

Рассвет. В этот раз он значил не так и много. Однако сегодняшний рассвет значимее вчерашнего — того, что был повседневным — он знаменовал начало новых знакомств и историй. А там, где бродит начало, хвостиком крадётся и конец.

Рассвет яркими лучами озарил ту маленькую по меркам общим, площадь, обычный пятачок, в котором должны торговать ушлые торговцы, с рассветом ещё не полнился людьми. И вряд ли ещё сегодня заполнится.

В стране великое горе! Королевство прощалось со своими принцами, из-за чего мелкая торговля приостановилась на этот памятный час. Однако, как ни странно, провожать «любимчиков народа», этот самый народ не спешил. Пустота и ветер окрыляли одних рыцарей и угнетали других.

Пакс Широнский, за недостойные интриги во дворце, поступи он тоньше и лучше, ничего бы не случилось, оказался сослан вон. Как быть, когда твои же рыцари, доносят на тебя? Все верно, так и поступил принц — склонил голову, а та, на раздражение Нилрема не упала с плеч. И голова эта ничтожно произнесла:

«Да, отец».

Пакса сослали из королевства за его грязные деяния, но обставили все, как учебу за границей. Тогда, с уст короля, маленький маг услышал о Королевстве Короля Драконов. Именно туда отправился мелкий интриган, полностью приняв собственную судьбу.

А вот второго, Грейрату было даже чуточку жаль. Да, при первой встрече, Нилрем изрядно повозился с «магическим мутантом», коих здесь обзывали «дитя бога», но Заноба Широн, в отличие от Пакса не просто был хорошим другом Аиши, защищая её от нападок последнего, этот принц, знал где его место. После большой драки, как только принц узнал о том, на кого он посмел поднять руку, тут же плюхнулся на колени и словно видел перед собой великое божество взревел: «Простите глупца, не признал!»

Естественно подобный тон был слаще мёда и Нилрем простил Занобе подбитый подбородок. В пылу схватки, принц Широнский не просто прорвался сквозь оборону Нилрема, но и приложил его кулаком в челюсть, отчего сам маг улетел в небо. Обычный человек от столь издевательского поведения давно сломался бы, но не мастер в исцелении.

Грейрат признал Занобу как человека, и в прощальный подарок, подарил ему так желанную статуэтку. Это была маленькая копия Джинджер, не самая точная и детализированная, однако и она пришлась на глаз Занобе, который просидел рядом на всех этапах творения. Нилрем умел создавать подобные игрушки, просто не горел тем желанием и страстью как его брат из-за чего они не получались столь же продуманы и вылизаны (как в прямом, так и в переносном смысле). Нового ученика в лице принца, маленький маг уже не брал, ему хватало ревностных взглядов в спину.

Занобу Широнского обвинили в массовых проступках, начиная от порчи имущества, заканчивая буйством в рядах стражей. Почти вся стража, под предводительством Джинджер, подтвердили обвинение. И Заноба со слезами на глазах был «сослан». Уехал в магическую академию на севере. Из хороших новостей, к нему вернулась преданная слуга — Джинджер.

Возможно, обвинения в коих повинен вспыльчивый Нилрем, должны были лечь на плечи того же Нилрема, но, во-первых, если бы появились претензии к уважаемому святому магу Воды, ученику ещё более уважаемой Рокси Мигурдии, то Нилрем просто бы всех исцелил и претензии на этом закончились бы. А во-вторых, Заноба сам решил взять на свои плечи бремя

чужих грехов, считая себя должником, и непростительным предателем идей Мастера.

Говорилось же, Заноба импонировал Нилрему как раболепный человек.

А после всей основной суматохи, выступила Джинджер, коротко отчитываясь о том, чего во дворце забыла персона Нилрема Грейрата. А забыл он своих родных. В мыслях парень не забыл поправить оплошность слов рыцарши, ведь найти не значит забыть родных, которых не без слез, конечно, но сопроводили восояси. Верно, каждая королевская особа, исключая Пакса, считали их обычными гостями и держать силком никого не была намерена. Наоборот, им даже составили скромный подарок. Все же после происшествия с Паксом, всем рыцарям, как на духу вернули родных, лично извинялся Господ, за своего сына. Нилрем и здесь успел отличиться, сыграл не самую последнюю роль, как и Мари, как и Айша.

Последние, две бестии начальной формы эволюции, с момента, когда открывали глаза и пока не закрывали их для отправки к Морфею, в чем-то соревновались. Определенно дело касалось Нилрема. Казалось, поставь их рядом и воздух самопроизвольно наполнится статическим напряжением.

По многозначительным взглядам от Лилии, Роулза и Карлы, на второй день после победы над Паксом Нилрем осознал своей головой, что дело то оказывается в нем. Проявив острый как металлическая арматура ум, парень определил направление конфликта, точку схождения. К сожалению, это не её первопричина.

В чем проблема и чего добиваются Айша и Мари? А главное, почему во время такого важного события как сбор средств для отправки в Миллисион, главной проблемой, первым вопросом для решения, для Нилрема должна стать ссора двух мелких девчушек, которые что-то между собой не поделили? Парень так и спросил у Лили в то время как Айша все подслушала. Она не видела, как с другой стороны, подслушивала и Мари, которая с того времени не редко задавалась вопросом, а не играет ли её Учитель в собственную игру, где просто насмехается над всеми.

Прошло три дня и кроме важных вопросов, удалось уладить и обстановку в группе. Добиться перехода активной войны Айши и Мари в холодную фазу мог не каждый.

И вот. Жизнь случает одних, и разлучает других. Таков закон подобных жанров.

На рассвете, у торгового пятачка, Роулз осматривал протянутую ему руку. Совсем мальчишескую, без шрамов, ожогов и мозолей.

«Как не видел в ней силы, так и не вижу», Роулз никогда не отличался чутким ощущением опасности от чужих людей, но умел быстро определять, кто перед ним, воин, простой фермер, или аристократ по рукам. До чего смешным кажется теперь ему, его же качество, ведь оно не могло определить кто перед ним. То ли маг, то ли парень, не поднявший в жизни ничего более тяжелого чем перо. За все время путешествия вместе с Нилремом, полуэльф не раз понимал, какой на его фоне, он жалок, слаб и негоден. Казалось бы, руки Роулза покрыты шрамами, затоптаны мозолями, но все это не имело никакой фактической силы. Сказать спасибо, на прощание, не поднимался язык.

Вернее, полуэльф хотел это сделать, но так его загипнотизировала рука, так он углубился в самокопание, что...

— Роулз, не скажу, что было приятно. Сам понимаешь, твоим мировоззрением только демонов пугать, но я пожелаю тебе удачи.

... совсем не заметил, как Нилрем улыбнулся ему.

«Видимо, это лишнее», подумал полуэльф и ответно улыбнулся. Самой что ни на есть настоящей, исполинской улыбкой колосса.

Сжав протянутую руку Нилрема, он крепко передал напутствия:

— Пусть духи ветра вас берегут, друзья!

«И фея Сильф тебя, мой друг» прошептал Нилрем, пока Роулз прощался с остальными. Как бы маг не презирал повадки бывшего охотника деревушки Буэна, что-то из них ему запомнится на всю жизнь. И как один человек меняет другого, так и другой, меняет первого. Отныне, зеленые, соколиные глаза охотника будут направлены не на руки бедных крестьян, а на их глаза, их зеркала души.

Его дорога свернула в сторону королевства Асуры. К столице! Где главные покои кого-то из наследников престола, подобно Аише и Лили, должны хранить последнюю частичку давно утерянной светлой жизни. Лилия успела наголосить, как даже до ворот Широ́на подошёл слух, о том, что наследники начали активную борьбу за трон. Потому Роулзу нужно быть на чеку.

Сам Нилрем же, по факту остаётся единственным мужчиной в группе. Лили, Карла, Мари, Айша и маленькая Джинкс. Единоличный владелец: «Цветущего сада, где каждый цветик благоухает и парит»... так определенно выразился бы Рудэус, описывая труппу из одного мага и россыпи матерей с их чадами. А вот Нилрем бы сперва отвесил подзатыльник брату, а после, прокомментировал свое положение не иначе как: «Бедственное». Подобная забота, да ещё и о женщинах, это страшный сон любого сопровождающего.

Впрочем, не все так плохо как могло показаться. Уж если Айша шутливо выразилась: «Уважаемый брат теперь содержит целый гарем», а остальные посмеялись, то дорога определенно не будет той, на которую настроился великий маг.

Повозку кстати, в знак благодарности за исцеления боевых единиц Широ́на подогнал дворец, а в руки Нилрема упали привычные поводья.

Всего год назад, парнишка посмеялся бы над ситуацией. Он — лакей? Возможно только в новой жизни... а вон оно как в жизни случается. Не зря все время с Роулзом на одной кляче сидели.

Уверенными манипуляциями, из полумертвого коня, маг крови сдюжает создать имперского скакуна, а из здорового образца, и вовсе, Мустанга! В голове, которого будет свистеть навязчивая идея побыстрее прибыть в порт.

Да, после разговора с Лили, они все вместе: Карла, Лили и Нилрем, решили вернуться в Миллисион. Нилрем ещё по дороге к Лили и Аише должен был столкнуться с Полом, ведь тот, по наводке Киширики, направлялся именно в его сторону. Лили предположила, что отец с сыном просто разошлись и не увиделись, и что собраться вместе они все сумеют лишь в Миллисионе. Пол, как посчитала горничная ушёл на милость к матери Зенит — Клэр. Возможно из отчаяния, решил рассказать семье Зенит о смерти талантливой дочери, а может и ещё чего, но зацепки о Поле, с которым путешествует Норн, найти должны в любом случае. Рудэус — отдельный разговор, он в любом случае будет проходить сквозь Милис и Миллисион. Это неизбежно их столкнет.

Всплывал вопрос о Зенит, но Нилрем увиливал полуправдой, что императрица демонов, не способна узреть то дикое место. Киширика уверила, что мачеха Нилрема жива, а Нилрема

спрашивал о ней уже как месяц спустя телепортации. Подобное — еда для разума.

Когда все фишки расставлены, а заряженные позитивом, и новой целью путешественники, всегда идут своей дорогой. Сердце начинает трепетать.

Обычно то простая, неспешная тропа, виляющая ужиком протоптанная тысячью, миллионами пар ног, надежд и полных сомнений мыслями.

А в то же время, на золотом пороге времени, вышагивал одинокий воин. Одет он был так, что с первого же взгляда в нем заметишь обычного вояку.

Закованный в броню, сотворенную кожевником, его шагу не мешали травы, заросли и прочие сопутствующие преграды.

Тот шёл неспешно, по извилистой людской тропе, пусть и не человек он сам, но право бродить по родным развалинам имел. То были именно руины. Руины бывшего селения, одно название которого вселяло в мужчину непонятную гамму чувств. И чтобы в ней, наконец, разобраться, он и прибыл в это потерянное богом место. Где-нигде, виднелись обломки здания, иссушенных деревьев, и... листья. Уже черные, не тронуты бременем разложения. Здесь не блуждало и души живого. Один лишь воин. И тот, не живой.

Его сердце не билось, пускай и должно это делать. У него была болезненно бледная кожа. Вояка вовсе не заботился о собственном внешнем виде.

Лицо острое, глаза хищные, они то и дело вспыхивали алыми искрами, когда выискивали малейшие зацепки туманного прошлого.

Прошрое, о котором невозможно рассказать, затронув лишь один участок памяти. Все было слишком странно. У воина имелась отменная память, а при нужде, он всегда мог схватить собственный мозг и помочь себе припомнить некое событие. И с подобным умением, черноволосый мужчина не сумел вспомнить ни своего первого имени, ни своего создателя. Только название деревни.

Резко вскинув глаза к небу, которое затянули грязные тучи, воин оскалится как при виде заклятого врага. Обнажились ровные, белые зубы, а вместе с теми и опасные клинки-клыки ненормального размера.

Уже не воин... маг, снял с пояса свой короткий магический жезл и указал им на рычащее громом небо.

— Владыка! — в нескольких метрах от черноволосого мужчины, подогнув коленом и стопой траву, приземлился статный, белокурый юноша. Он точь-в-точь, оборвал начинающее зачитываться заклинание, чем вызвал недовольство, исказившее лицо Владыки. Впрочем, оно утихло аномально быстро.

— Клайм, твое поведение меня разочаровывает. Если у тебя не найдётся хоть одного достойного оправдания, ты умрешь.

Без доли садизма, удовольствия, сожаления, гнева и прочего... с непоколебимым, холодным сердцем, Владыка был готов прирезать своего верного слугу за малейший поступок. Именно поэтому, все его слуги до этого были столь скоротечны. Но все же, Клайм продержался дольше

всех.

— Ваше Благородие, Владыка Карс, повелитель Крови, наш вечный Прародитель и первый Отец всех Нас, — закончив с перечислением титулов, имен и собственно заслуг, Клайм поклонился ещё ниже. Его голос оставался морозно тих и до безобразия спокоен. Под стать своему господину, слуга имел апатичные повадки. — как вы и приказывали, отряд четвертого поколения, действует максимально тихо. Они успели разойтись по всему региону, и парочка отличившихся уже сделала доклад. Позвольте заметить, убрав облака, вы тем самым привлечете ненужное внимание.

— Здесь никого нет на десятки километров.

— И все же, мы не можем быть в этом уверены до конца. Враг, как известно, прячется в тени. Вы точно хотите открыться миру сейчас?

После громких слов слуги, Карс покачал головой. Повелитель вспомнил, почему Клайм ещё не лишился головы. Сложив руки за спиной, владыка умелым жестом поместил посох за пояс, а после отвернулся от слуги.

— Наша сила ещё слишком мала, чтобы что-то решать в этом мире. Только пятое поколение и два кандидата в Короли Крови. Этого мало, чтобы соперничать со странами высшего эшелона. Ты прав Клайм, твой ум не затупился и с каждым днём лишь подтверждает твоё право стоять подле меня. Твоя награда.

В качестве награды, из пальца Карса вылетела его же собственная кровь. Всего капля, даже меньше капли. Чуть больше песчинки, и, если бы не исходящее от неё тепло и свет, точку красной крови было бы невозможно разглядеть обычным зрением. От подобной щедрости, тело блондина тряхнуло, а кровь внутри его жил словно вскипела. Слуга едва сдержал животный порыв накинуться на кровь, смиренно сдерживая себя, напрягаясь всем телом. И чем ближе подбиралась новая сила, заключённая в точке алого света, тем сложнее было себя клонить к земле. Все вены вздулись, зубы скрежетали, а глаза собирались выпрыгнуть из орбит.

Сложнейшее испытание для любого, ему подобного, было вовсе не заслужить песчинку крови, или её каплю. Главное было выдержать свою жажду, побороть животное нутро, доказав тем самым, что ты выше этого. Священный ритуал принятия силы обязывал к сдерживанию. По крайней мере так завещал Прародитель. Только от него возможно быстро получить огромную надбавку к силе, но также, высок риск и умереть. В отличие от других «высоких» братьев и сестер, которые проводят Ритуал Силы, не так строго, и не всегда с помощью крови, Прародитель Карс был самым строгим из всех.

С его могуществом, за закрытыми дверями и под тридцатью тремя печатями, поговаривают, может сравниться разве что Принцесса Крови Анна-Роуз.

«Нуж...но держа...ться» остался один метр, из четырёх пройденных. Клайм не для пустого звука старался так сильно, чтобы здесь и сейчас, так просто умереть.

Половина от метра обусловилась тем, как сильно сердце слуги вогнало кровь в организм. Сосуды в носу и капилляры в глазах полопали. Не простое это было психологическое воздействие. Вернее, оно было столь сильно, дурманящее и пьянящее, что всего на миг поддаться, означало тут же лишиться головы.

— Открой рот, Клайм, — блондин подчинился и только сам Владыка Карс знал, как ему удалось не сорваться и выдержать суровое испытание.

Попав в рот, крови как не бывало. Она просто растворилась в один момент, а от Клайма разошлись невидимые волны маны. Будь хоть у кого-то из присутствующих глаз магической силы, и он бы увидел, как расширяется максимальный запас маны человека, а человека ли? Определенно, они не были больше расой человеческой.

По предварительным ощущениям, Клайм высчитал, что увеличил свое количество маны на половину. Запас маны увеличился намного. В то время, когда на всем белом свете, не сыскать способов увеличения собственного резерва, Клайм только что увеличил его на половину. Если только не найти древние артефакты, увеличить запас маны никак было нельзя, никоим образом. Любой маг ещё с детства читал об этом, и знал, как фундаментальное правило, подобно трём законам термодинамики. Запас маны определяется с рождения. Клайм и ранее получал «награду», но никогда это не было подобным " стремительным рывком». Ранее она увеличивала силу, скорость, реакцию, укрепляло тело и все прочее, но никогда в качестве доброй воли, кровь не приносила ману.

Владыка Карс двинулся вперёд, словно и не видел ошарашенного вида слуги. Подзывая слугу рукой и шепотом, уже в пути, Карс начал льстить, что было редкостным событием.

— Хорошо, ты отлично себя показал. У тебя ещё предостаточно потенциала. Кстати, если ты так хорош, твоя сестра должна быть не хуже, верно? Я помню, она была Мечницей...

— Все верно, Ваше Благородие никогда не забывает верных слуг, и это меня польщает.

Естественно Карс не стал разубеждать молодого и горячего парнишку, что тот далек от истинны точно так же, как и сам Карс в своих изысканиях далёк от собственного создателя.

— Так и что? Не желает она вступить в наши ряды?

— У неё благородное сердце и чистая душа, но к сожалению, её охватила дикая болезнь.

— И что, же, праведные священники не могут вылечить страшную болезнь?

— К сожалению, её тело подвергнуто особому яду, который не позволяет никому излечить её раны. Мне грустно это говорить, но надежды нет ни на кого...

— Ни на кого, кроме нас. Детей ночи. Что ж, мотивация у тебя сильная, а сила должна доставаться только тем, кто имеет цель. Клайм, надежда твоя здесь, узреть второго кандидата в короли крови?

Врать было бесполезно. Если все его карты так прозрачны и легко видны Владыке, то будет глупостью продолжать испытывать его терпение в надежде обмануть существо, которое уже сейчас, по своему могуществу не уступает последним из списка семи мировых сил.

— Все верно. Я слышал, в отличие от бронебойной силы первой принцессы Роуз, он разбирается в лечебном искусстве лучше всех других. Ему доступна магия крови, как и большинству братьям и сёстрам нашим, но он сумел адаптировать её под исцеление.

— Ты прав, Клайм, кандидат, на которого ты положил глаз, далеко не дурак, и раньше прислуживал в Миллисионе за знатным родом. Такой талант как он, рождается раз в столетие. Местные святоши боялись прогресса, за которым следовал наш второй наследник, мой первый принц. Его пытались убить и гнали из Миллисиона так далеко, как только могли. Быть ему забытым временем и затыканным голодом, юношей, если бы не мое милосердие.

— Вы все это мне рассказываете...

— Чтобы узнать, сколько времени отведено твоей старшей?

— Вы... — желание спросить: «откуда знаете о том, что она старшая?» отпало само собой. Клайм наивно полагал, что просто сумеет воспользоваться и Владыкой Карсом, и его приспешниками. И все же, было то, чего не знал и Прародитель. — три года назад она получила травму, в следствии которой может двигать только рукой, головой с глазами и языком. Ей трудно даётся речь.

— Достаточно, — смахнув рукой слова слуги, будто были они мелочны и ничтожны, Карс продолжил. — Тебе дозволено взять одного собрата, ниже рангом чем ты сам или равного, и уйти в Миллисион. На все про-все у тебя год.

— Миллисион?

— Принц крови, не стоит и не ждёт тебя, Клайм. Не возомни о себе слишком много, у твоего старшего есть своя месть, которую он осуществляет. И если за год не сумеешь попасть к нему, он вполне возможно уже уйдёт восвояси. Ветреный мальчишка, если его не держит месть. Впрочем, твоя голова покинет плечи быстрее, чем ты подумаешь о том, чтобы и дальше за ним гоняться.

— Вас понял.

— Вот и славно, что хоть один из моих отпрысков меня понимает. Нашла Роуз себе забаву, следить за мной. До чего она ещё ребёнок.

Клайм обратился тенью, и новой скоростью покинул своего владыку. С тяжелым сердцем, он передал главенство одному из четвертого поколения, что был постарше возрастом и умчался на встречу с сестрой.

Ещё не видя обожжённую рану на шее, Клайм почему-то точно знал, что обжётся. Не на словах, он четко отделял нужные от ненужных, а в самых мыслях, лишь задумавшись о предательстве. Мысль нанесла такую же мысленную рану, клеймо, и кажется, то было последнее предупреждение Владыки. Он знает всё, он видит всё, он умеет всё.

«И мои мысли для него не секрет, а открытая книга», самые страшные догадки парень только что испытал на собственной шкуре. Просто вылечить сестру не выйдет. Она примкнет к детям ночи, хочет того Клайм или нет.

Цокнув в раздражении, и задрав подбородок, слуга Владыки раздражённо сплюнул.

Их раса так молода, что даже ещё не имеет названия, но внутри растущей общины, которая восемь месяцев назад едва насчитывала маленькую деревушку в пятьдесят голов, сейчас равнялась больше пяти тысяч по всему миру. И в этом обществе где Прародитель бездействует, многочисленные безымянные, обрекли себя и братьев, и сестер на имя «Дети ночи». Не официальное название дошло и до Владыки Карса и тому оно пришлось по вкусу. Он ещё не объявил об этом всем, но видел Клайм, если Владыка уже сейчас без застенчивости обзывает их Детьми ночи, то так и будет.

И только раздражающая тонкость, всегда претила взору Клайма. Как могут дети, которые скрываются в тенях ночи, так яростно ненавидеть облачные дни?

До ушей юноши доходили слухи о сестрах и братьях, которые и вовсе переживают кровавые припадки, стоит им увидеть тёмное небо, затянутое тучами. Подобно механизму истребления на случай если Дети ночи выйдут из-под контроля, Клайм верил, что все это было частью плана Владыки.

А Владыка верил, что ненависть к облакам ему передалась от создателя не просто так.

Мир сделал свой оборот, и остановить его не мог никто. Ни многолетний сын бога, ведомый своей местью, ни сам бог, которому позволено лишь одним глазом подглядывать за миром.

Конец второго тома.

<http://tl.rulate.ru/book/84638/3227064>